

Милана Седина
Юнона Стангард

МОЙ ХОККЕИСТ

— Линия обороны —

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Линия обороны

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Линия обороны / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Я привыкла спасать репутацию хоккейного клуба, а не собственную жизнь. Но после провального матча мою машину блокируют на подземной парковке, и от вооруженных нападавших меня закрывает собой Макар Беркутов — защитник «Витязя», которого все зовут Медведем. Мой жених требует выгнать его из команды. Я расторгаю помолвку и встаю на сторону человека, пролившего за меня кровь. Теперь мне, дочери владельца и антикризисному директору, предстоит защитить Макара от подстав, а клуб — от тех, кто готов погубить его ради денег. Впереди решающие матчи плей-офф, за спиной — предательство. И чем ближе я узнаю этого грозного, бережного мужчину, тем труднее убедить себя, что нас связывает только благодарность.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой хоккеист. Линия обороны

Мой хоккеист. Линия обороны

Авторы: Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Тяжелая дверь «Рейндж Ровера» захлопнулась с глухим, сытым щелчком, отсекая промозглый сквозняк подземного сектора, но внутри салона теплее не стало. Меня мелко кололо. Не от сырого холода конца марта, сочившегося сквозь бетонные перекрытия подземного яруса арены «Легенда», а от липкой, удушливой ярости, поднимавшейся к самому горлу.

Кожаная папка с золотым тиснением «Антикризисный план: медиа-стратегия ХК “Витязь”» шлепнулась на пассажирское сиденье. На титульном листе темнело круглое кофейное пятно — отец в ярости грохнул фарфоровой кружкой об стол еще в конце второго периода, когда команда в первом матче полуфинальной серии пропустила четвертую безответную шайбу от челябинских «Стальных волков». Потом у него внезапно перехватило дыхание, пальцы судорожно вцепились в левый лацкан шерстяного пиджака, и главврач кардиоцентра профессор Морозов на экстренном реанимобиле увез его через отдельный служебный выезд прямо в клинику на Рублевке. А мой официальный жених и по совместительству вице-президент клуба Глеб Черкасов просто испарился из VIP-ложи в разгар суматохи, бросив мне сквозь зубы на бегу: «Разберись с пулом прессы сама, Лерочка. У меня срочный созвон с ключевыми акционерами холдинга».

И я разбиралась. Сорок бесконечных минут под безжалостными софитами пресс-центра, глядя в хищные, жаждущие крови объективы спортивных обозревателей. Я держала спину неестественно прямой, сжимала под столом пальцы до побелевших ногтей и безупречно спокойным голосом чеканила выверенные формулировки о «плановой ротации состава и неизбежных ошибках перестроения звеньев».

Я поправила салонное зеркало: лицо осунулось от дикого напряжения, но взгляд оставался твердым, а темные волосы были туго стянуты тонкой шелковой лентой алого цвета — единственной живой деталью на фоне строгого угольно-серого жакета. Я нажала кнопку запуска двигателя. Трехлитровый турбодизель отозвался мягким сытым урчанием, в полумраке вспыхнули резкие светодиодные линзы фар, выхватив шершавые серые колонны с желтой трафаретной разметкой сектора «В».

И в ту же самую секунду из черного зева пожарного пандуса выплеснулась лавина.

Их было не меньше дюжины. Черные вязаные балаклавы с неровными прорезями для глаз, тяжелые армейские берцы, камуфляжные куртки радикальных ультрас. Никаких клубных шарфов или флагов — только оскалы и тусклый блеск зажатого в руках железа. Воздух перед моим капотом с оглушительным шипением распорола ослепительная вспышка: прямо на мокрый асфальт под колеса ударил зажженный фальшфейер, выбросив густой, удушливый клуб химического вишневого дыма.

Сердце пропустило удар и бешено заколотилось где-то в гортани.

Я мгновенно дернула селектор автомата в положение заднего хода, намереваясь вернуться у вентиляционной шахты и на предельной скорости уйти к западному КПП. Но в широкоугольной камере заднего обзора картинка дернулась: двое рослых парней с глухим скрежетом выволокли на середину проезда полуторатонную бетонную цветочницу, намертво запечатав узкий технологический коридор.

Ловушка. Продуманная, хладнокровная и профессиональная засада.

— Твари... — процедила я сквозь зубы, вжимая педаль акселератора до упора в пол.

Три тонны британской стали взревели, полный привод отчаянно вгрызся в мокрый бетон, но под колесами со звонким скрежетом провернулась рассыпанная щебенка и битое стекло. Заднюю ось швырнуло юзом. Машину с сокрушительным металлическим грохотом приложило днищем о торчащий из асфальта стальной швеллер колесоотбойника. Ремень безопасности со всей силы врезался мне в ключицу, выбивая воздух из легких, двигатель захлебнулся и смолк.

В следующее мгновение внедорожник затрясло, словно консервную банку в зубах разъяренного зверя.

Первый булыжник влетел точно в лобовое стекло прямо напротив моих глаз. Толстый триплекс с сухим треском расчертило миллионом мелких белесых трещин, стекло вздулось уродливым куполом, но устояло. Я судорожно зашарила пальцами по дверной панели, пытаюсь нащупать клавишу блокировки замков, но не успела.

Слева, со стороны водительского окна, с оглушительным звоном рухнуло каленое стекло. Длинный пожарный лом с визгом пропорол обшивку двери, осыпав мои колени и замшевые сапоги колючим ледяным крошевом. В лицо ударил ледяной сквозняк, запах паленого пластика, едкой гари и застарелого перегара.

— Вылезай, сука директорская! Будешь отвечать за слитый матч! — раздался хриплый, налитый кровью рык.

В пробитый проем просунулась рука в плотной тактической перчатке с кевларовыми накладками, слепо шаря по моему плечу. Я перехватила тяжелую кожаную сумку с металлическим углом ноутбука и обеими руками, вкладывая всю силу паники и ненависти, ударила по пальцам нападающего. Он взвыл от боли, но второй рукой успел намертво вцепиться в воротник моего кашемирового пальто, дергая меня на себя с такой силой, что по швам затрещала подкладка.

Его балаклава сбилась набок, обнажив прыщавый лоб и налитые дурной кровью зрачки. Но мой взгляд зацепился не за нож в его левой руке, а за широкий армейский ремень на его поясе. Там, среди крепежных карабинов, мерно покачивалась профессиональная цифровая радиостанция «Моторола» в прорезиненном черном корпусе — служебная рация охраны нашей арены. На ее жидкокристаллическом дисплее ярко светилась зеленая цифра: 4-й закрытый канал службы безопасности.

Холодная, жуткая мысль прошила мозг острее любого страха: *посты охраны на минус первом этаже не просто уснули. Нападение вели и координировали по нашей внутренней закрытой частоте.*

— На колени, тварь! — боевик занес обломок водопроводной трубы прямо над моей головой. Я инстинктивно вскинула руки, готовясь к неминуемому удару.

Но удара не последовало.

Воздух за спиной нападавшего внезапно содрогнулся от тяжелого, низкого звука, словно рухнула чугунная балка.

Из эвакуационного шлюза сектора техобслуживания шагнула фигура. Она не появилась — она буквально заполнила собой пространство, перекрыв тусклый свет настенных плафонов. Двухметровый исполин с плечами такой ширины, что они закрывали весь дверной проем. Черная клубная куртка нараспашку, серое компрессионное термобелье, простая брезентовая баульная сумка через плечо.

Макар Беркутов. «Медведь». Номер тридцать три. Самый жесткий, молчаливый и бескомпромиссный защитник-разрушитель КХЛ, которого в лиге за глаза называли «гранитной скалой без нервов и страха».

Он не издал ни звука. Не выкрикнул предупреждения, не сбавил шаг. Он просто сбросил тяжелый баул на мокрый бетон и пошел прямо на толпу.

Двое ультрас с металлическими цепями резко развернулись на шаги. Первый замахнулся наотмашь, метя цепью в лицо хоккеиста. Макар даже не попытался уклониться. Он сделал короткий, отточенный тысячами силовых единоборств шаг под удар, принял свистящую сталь на предплечье, обтянутое плотной тканью, и сокрушительным движением корпуса вбил нападающего в решетку радиатора моего внедорожника. Металл промялся со стоном, ультрас осел на асфальт бесформенной кучей. Вторым нападающим в панике выронил цепь и отшатнулся к колонне.

Беркутов шагнул к моей изуродованной двери. Одним рывком чудовищной руки он выдрал заклинившую дверь наружу, вывернув стальные петли с протяжным скрежетом.

— Руку, — скомандовал он. Низкий грудной бас отозвался вибрацией прямо в моих ребрах.

Я протянула дрожащие пальцы, но в этот момент из-за бетонной опоры выскочил третий — коренастый ультрас с заточенным полуметровым куском граненой строительной арматуры. Он прыгнул Макару в спину, целя острием под левую лопатку.

— Макар, сзади! — закричала я, срывая голос.

Беркутов среагировал со звериной, феноменальной скоростью. Он не стал уворачиваться — он лишь развернулся корпусом на четверть оборота, намертво накрывая проем машины и меня широкой спиной. Тяжелый ржавый штырь с глухим, чавкающим звуком вспорол ткань куртки и вошел глубоко в его правую дельтовидную мышцу.

Звук рвущейся живой плоти отозвался во мне острой физической тошнотой. Но великан даже не покачнулся. Из его груди вырвался лишь глухой, утробный рык. Словно не чувствуя боли, Макар левой рукой намертво перехватил арматуру, дернул нападающего на себя и коротким, сокрушительным ударом локтя снизу вверх сломал ему челюсть. Железный штырь со звоном улетел в грязную лужу.

— Держись за меня, Лера! — рявкнул он мне прямо в ухо, перекрывая рев толпы.

Не «Валерия Викторовна». Не «госпожа директор». Просто — «Лера».

Его огромные ладони подхватили меня под бедра и спину, с легкостью пушинки выдергивая из разбитого салона автомобиля. Я инстинктивно обхватила его шею за воротник, уткнувшись лицом в горячую ямку ключицы. От него пахло морозным ветром, резким запахом хоккейного льда, мужским терпким жаром и сладковатым железистым духом свежей крови.

Главарь банды попытался перерезать нам дорогу, выставив длинный нож. Макар не сбавил ход ни на шаг. Не опуская меня, он с размаху вбил тяжелый армейский ботинок прямо в грудь нападающего. Раздался сухой хруст ребер, главарь отлетел на три метра и врезался головой в мусорный бак.

Оставшиеся в ужасе расступились.

Сзади что-то зашипело: в воздух взмыл еще один зажженный фэйер, целясь мне прямо в затылок. Макар мгновенно уловил боковым зрением траекторию огненного шара. Резким движением он распахнул полу своей куртки, укутал меня с головой в плотную подкладку и прижал к себе, принимая сноп искр на собственную спину.

Я слышала, как зашипела и затлела синтетика куртки, почувствовала обжигающий жар в сантиметрах от своих волос, но ни одна искра не коснулась моей кожи.

Через три секунды его мощное плечо с грохотом ударило в стальную створку герметичного эвакуационного шлюза арены.

Электронный считыватель карт на входе был разбит ударом кирпича и сыпал искрами. Макар бережно опустил меня на ноги, но продолжал придерживать за талию здоровой рукой. Правым плечом — тем самым, из которого толчками сочилась кровь — он навалился на тяжелый механический ригель, вдавил его в паз и быстро набрал шесть цифр на потайном резервном пульте.

— Я здесь вентиляцию чинил до первого контракта, — выдохнул он. — Резервный код помню.

Тяжелый стальной засов весом в полцентнера с громовым лязгом встал на место.

Ревущая, озверевшая толпа осталась по ту сторону трехдюймовой бронированной стали.

В узком бетонном тамбуре воцарилась оглушительная, гулкая тишина. Я стояла, прижавшись спиной к шершавой стене, и чувствовала, как неконтролируемо дрожат колени. Макар

тяжело оперся здоровой рукой о косяк двери, глядя на меня сверху вниз из-под насупленных темных бровей.

— Цела? — хрипло выдохнул он.

Я смогла только судорожно кивнуть, глядя, как по его разорванному правому рукаву на серый бетон пола медленно и тяжело капает густая темная кровь.

Глава 2

В глубине служебного перехода послышались торопливые шаги — звонко щелкали тонкие кожаные подошвы дорогой обуви. Из-за поворота, ведущего к служебным лифтам административного сектора, вынырнула процессия.

Впереди быстрым, нервным шагом шел Глеб Черкасов. На нем было безупречно отглаженное темно-синее пальто из тончайшего кашемира, шелковый шарф и идеальная укладка. Следом семенили двое ведущих клубных юристов с кожаными папками и начальник службы безопасности арены Борисов — грузный мужчина с бегающими поросычьиими глазками. От Глеба за версту разило сандаловым парфюмом, дорогим коньяком и сигарами VIP-ложи.

— Лерочка! Господи, ты жива?! — Черкасов картинно раскинул руки, ускоряя шаг и делая движение заключить меня в объятия.

Я сделала полшага назад, оказавшись вровень с широким плечом Беркутова:

— Не прикасайся ко мне, Глеб. Помолвка расторгнута. Где были посты охраны? Почему въезд на минус первый уровень оказался открыт для ультрас, а охрана так и не пришла?

Черкасов моргнул, его лицо на мгновение перекосила нервная судорога, но он мгновенно перестроился, вытягивая холеный палец в сторону хоккеиста:

— Что здесь произошло?! Беркутов! Ты опять за старое?! Мало того, что ты провалил третий период и привез нам две шайбы в меньшинстве, так ты устроил пьяный дебош прямо под трибунами?!

Макар не ответил. Лишь на его широких скулах заходили каменные желваки, а серые глаза сузились, превратившись в две полосы стылого озерного льда. Он медленно стянул порванную куртку: на обнажившемся плече зияла глубокая рана с явным рифленным отпечатком строительной арматуры. Главный юрист клуба тут же торопливо зашептал Глебу на ухо: след заточенной стали исключает бытовую драку, это чистая самооборона при защите топ-менеджера.

— Борисов, изолируйте Беркутова до приезда полиции! — сорвался Черкасов. — Он отстранен от тренировок!

Начальник охраны с двумя ЧОПовцами нерешительно переступили с ноги на ногу. Ни один из них не сделал шага вперед. Макар расправил плечи и шагнул вперед:

— Попробуйте, мужики. Если у кого-то из вас осталась хоть капля совести.

Охранники синхронно опустили глаза в пол и сделали шаг назад. Черкасов в бешенстве выхватил телефон:

— Я прямо сейчас подпишу приказ об одностороннем расторжении контракта по статье за дискредитацию клуба! Без компенсации!

— Не подпишешь, Глеб Сергеевич, — раздался сухой голос.

Из боковой двери лазарета вышел Павел Сергеевич Смирнов — дежурный спортивный врач арены «Легенда» и представитель профсоюза игроков, отдавший нашему клубу двадцать лет. В руках он держал ламинированный регламент лиги:

— В контракте вице-капитана Беркутова есть особый пункт, согласованный с профсоюзом. Решение о расторжении по инициативе клуба принимает лично Виктор Николаевич Савельев. Вице-президент единолично этого сделать не может. А он сейчас на капельнице в кардиоцентре. Так что спрячьте телефон, Черкасов. Власти тронуть игрока у вас нет.

Черкасов побагровел от бессильной ярости и шагнул ко мне, понизив голос до вкрадчивого шепота:

— Лера, одумайся. Если видео драки попадет в КХЛ, клуб оштрафуют на двадцать пять миллионов и снимут с турнира. Позволь моим юристам оформить всё как потасовку за пределами арены...

— Нападение было на меня, Глеб, — холодно отчеканила я. — И нападавшие координировались по четвертому закрытому каналу охраны. Если ты хоть пальцем посмеешь тронуть Макара — первым свидетелем обвинения в Следственном комитете буду я. С заявлением об организации покушения. Ты меня понял?

Черкасов отшатнулся, словно от удара хлыстом.

Макар тяжело выдохнул, его огромные кулаки сжались до белых костяшек, готовые впечатать лощеного вице-президента в стену. Понимая, что один удар великана разрушит его жизнь, я решительно шагнула между ними и положила тонкую ладонь прямо на его напряженное предплечье.

Прикосновение подействовало мгновенно. Макар вздрогнул, замер, его дыхание сбилось. Он медленно опустил взгляд на мои пальцы и бережно накрыл мою кисть своей широкой горячей ладонью:

— Не тратьте на него слова, Валерия. Он того не стоит.

Видеть, как неукротимый таежный медведь смиренно подчиняется легкому касанию моих пальцев, было для Черкасова невыносимым ударом по самолюбию.

— Мы еще вернемся к этому на совете директоров, Савельева! — прошипел Глеб и круто нажал кнопку служебного лифта.

Кнопка осталась мертвой.

— Лифты заблокированы автоматикой тревоги, — ухмыльнулся дежурный электрик у стены. — Пешком на седьмой ярус, Глеб Сергеевич.

Под сдавленный смех персонала Черкасов побежал по узкой пожарной лестнице.

— Пойдемте, Макар, — тихо сказала я, не отнимая руки от его плеча. — Вам нужна перевязка.

* * *

Медицинский блок встретил нас запахом йодоформа, спирта и стерильным полумраком. Доктор Смирнов выставил лоток с инструментами:

— Я за чистым бельем на склад, у вас пять минут. Раздевайся, Макар.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоем.

Беркутов тяжело опустился на кушетку, металл жалобно заскрипел под его весом. Я достала телефон:

— Наберу платную клинику отца. Нужен хирург, антибиотики, снимок ключицы...

Горячая шершавая ладонь Макара мягко накрыла экран смартфона:

— Не надо скорой, Валерия. Смирнов уже вызвал клубного хирурга. Хочу дождаться его здесь. В полуфинале команда не должна остаться без обороны. Только не оставляй меня одного, ладно?

— Плевать на полуфинал! Ваша жизнь важнее игры!

— Для меня — нет, — отрезал он с такой непреклонной спокойной твердостью, что спорить стало бессмысленно. — Смирнов промоет и зашьет. Не впервой.

Он перехватил край порванного термобелья зубами и через голову стянул окровавленную ткань.

Я замерла, забыв, как дышать.

Его торс был словно вытесан из дикого серого гранита: мощные плиты грудных мышц, рельефный пресс и сеть старых белесых шрамов от чужих коньков и шайб. На левой стороне груди темнел глубокий звездчатый след от заблокированного щелчка. Но на правом плече зияла багровая рваная рана, откуда толчками сочилась темная кровь, пачкая светлую кожу. Этот несокрушимый человек принял удар на себя ради меня.

Смутившись своего оцепенения, я открыла сумочку, достала чековую книжку и быстро вписала сумму: один миллион рублей.

— Вот, — я протянула чек. — Это от меня лично. За спасение жизни. Клуб выплатит страховку, но я не хочу оставаться в долгу.

Беркутов посмотрел на листок с такой глубокой усталостью и спокойным превосходством, что бумага в моих пальцах показалась мне жалкой. Он не взял чек. Вместо этого он поднял руку и шершавой ладонью мягко прижал мои пальцы с чеком обратно к блокноту.

— Спрячь бумагу, Валерия Викторовна. Я играю за этот клуб, а вы — наша семья. Мужчина не берет плату за то, что защитил свою женщину.

«Свою женщину».

Слова повисли в воздухе лазарета, тяжелые, как расплавленный свинец. Моя привычная картина мира, где всё продавалось и покупалось, с треском рухнула.

— В нашем мире за всё платят, Макар, — выдавила я, чувствуя, как предательски пылают щеки.

— Мне ты ничего не должна. Только перестань дрожать. Всё закончилось.

Я попыталась отвести руку, но его горячие пальцы бережно скользнули по моему запястью. Он поднес мою ладонь к своему лицу и на мгновение прижал ее к трехдневной щетине на жесткой скуле.

Электрический разряд прошел меня от кончиков пальцев до сердца, выбивая воздух из легких. Макар заметил, как задрожали мои губы, испугался своего порыва и ослабил хватку:

— Не бойся меня, Лера. Никогда не бойся. Я в жизни не сделаю тебе больно.

Он тяжело поднялся:

— Пойду промою сам под краном. А вам пора домой.

Кровь снова потекла по его руке. Во мне вспыхнула ярость. Я шагнула вперед и обеими руками толкнула великана в здоровое плечо обратно на кушетку:

— Сидеть, Беркутов! Никуда ты не пойдешь с открытой раной. Я сама всё обработаю. Сиди и не дергайся, медведь.

Макар опешил. На его суровых обветренных губах дрогнула и расплылась теплая улыбка. Он послушно опустил плечи:

— Слушаюсь, командир.

* * *

Пока доктор Смирнов искал нужные медикаменты, у меня оставалось десять минут. Интуиция подсказывала: если за засадой стоял Черкасов, следы начнут стирать немедленно.

Я достала из сумки запасные мягкие лоферы, стянула замшевые сапоги и переобулась. В лоферах бесшумно метнулась по служебному переходу в сектор «С» к серверной СКУД. У двери дежурил молодой ЧОПовец в форме с шевроном «Авангард»:

— Валерия Викторовна, вход закрыт по распоряжению Черкасова!
Я выставила золотой пропуск члена правления:

— Шаг в сторону. Иначе завтра твоя фамилия будет в уголовном деле по двести десятой статье — организация преступного сообщества. Готов сесть на двадцать лет за чужие миллионы?

Парень побледнел и приложил карту к считывателю.

В серверной пахло озоном и перегретым металлом. На центральном мониторе стремительно ползла красная полоса безвозвратного уничтожения видеоархивов: стирались записи камер наружного наблюдения и подземной парковки. Архивы уничтожали удаленно прямо сейчас!

Не раздумывая ни секунды, я упала на колени перед стойкой и с силой выдернула из разъема толстый синий сетевой провод внешней связи. Экраны моргнули, надсадно заверещал блок аварийного питания, и полоса стирания намертво замерла. В углу терминала застыло имя учетной записи инициатора сброса: личный рабочий ноутбук Черкасова.

Я открыла звуковой архив 4-го радиоканала. Пароль? Я ввела инженерный мастер-код отца — дату основания его первого завода. Папка открылась.

Я надела наушники и включила трек за 23:45. Сквозь помехи отчетливо прозвучал циничный голос Черкасова:

«Борисов, убери людей с минус первого уровня... пусть малолетки поучат Савельеву вежливости... Машину побейте, спеси поубавьте. Только без мокрухи. Чтобы знала, чья власть на арене».

Прямой приказ сдать меня озверевшей толпе.

Оператор за пультом потянулся к главному рубильнику. Я шагнула к нему и наступила подошвой на его ботинок:

— Руку убрал! Флешку на стол. Быстро!

Дрожащими руками он протянул мне металлическую клубную флешку. Через минуту аудиофайл и системный лог были скопированы. В жестяной банке на подоконнике я нашла ключи от сейфа начальника смены. В постовом журнале обнаружился синий бланк приходного ордера на 500 000 рублей наличными от ООО «Авангард-Секьюрити» с подписью Черкасова за «спецмероприятия».

Я сфотографировала ордер на телефон, заперла сейф и через боковую противопожарную дверь выскользнула в темный коридор. Оружие против Черкасова было у меня в руках.

* * *

Я скользнула в лазарет бесшумно, привалившись спиной к двери. Сердце колотилось в ребра, но в кулаке был зажат холодный металл флешки — наш с Макаром несокрушимый щит. Беркутов вскинул голову. В его глазах плеснулась мгновенная тревога:

— Где ты была, Лера?

В этом вопросе звенело глухое мужское напряжение за мою жизнь.

Я подошла к кушетке и положила флешку на инструментальный столик:

— Добывала нам броню, Макар. Завтра Черкасов попытается уничтожить тебя на совете директоров. Но эта запись сотрет его в пыль.

Беркутов перевел взгляд с флешки на меня. На его скулах дрогнули желваки:

— Он пожалеет, что родился, если еще раз взглянет на тебя.

— Знаю. Но сейчас твой ход окончен. Теперь я держу оборону.

Я закатала рукава блузки, взяла марлевые салфетки, пинцет и флакон с йодопионом. Опустилась на одно колено прямо на холодный кафель перед кушеткой, чтобы быть вровень с его раненым плечом. От его обнаженного тела исходил осязаемый жар.

Мои пальцы замерли над его разорванной плотью:

— Будет больно, Макар. Очень больно.

Он медленно опустил здоровую руку и накрыл мое колено широкой горячей ладонью. Его пальцы обожгли сквозь ткань брюк.

— Делай то, что должна, Лера, — прошептал он хриплым басом, от которого перехватило дыхание. — Твои руки не могут сделать мне больно.

Наши взгляды встретились. Воздух в полутемном медицинском блоке сгустился до предела, наполнившись напряжением, в котором растворились страх и сомнения. Я занесла пинцет с тампоном над рассеченной плотью, чувствуя, как его пальцы на моем колене бережно и крепко удерживают меня. Я смотрела в его темнеющие, полные безмолвного доверия глаза, понимая со всей ясностью: эта ночь навсегда переломила мою жизнь надвое. Мы вышли на одну линию обороны, и назад дороги больше нет.

Глава 3

В стерильной тишине процедурного кабинета отчетливо слышалось лишь тяжелое, мерное дыхание Макара и сухое стрекотание ультрафиолетовой лампы под потолком. Он сидел на самом краю высокой медицинской кушетки, свесив длинные ноги в запыленных армейских ботинках. Вся правая сторона его мощного торса была исчерчена темными разводами запекшейся крови, а на дельтовидной мышце чернело рваное, глубокое рассечение. Металлическая строительная арматура вошла глубоко, разворотив мышечные волокна.

Я придвинулась ближе, всё еще стоя на колене перед кушеткой, и ощутила плотную, почти осязаемую волну жара от его обнаженного тела. Вблизи, без хоккейных доспехов, он казался еще колоссальнее: размах плеч в косую сажень, массивные бугры трапеций, литые рельефные пластины пресса, пересеченные старыми белесыми шрамами.

Я опустила занесенный пинцет и осторожно прижала марлевый тампон, щедро пропитанный концентрированным антисептиком, к рваному краю раны. Едкий состав коснулся обнаженных нервных окончаний. Мышцы на его спине мгновенно окаменели, превратившись в монолитный гранит, под смуглой кожей заходили тугие желваки.

Макар не издал ни звука, лишь крепче сжал мою ногу здоровой ладонью, сминая плотную ткань брюк. Глядя на его стиснутые до хруста челюсти, я инстинктивно наклонилась ближе и мягко, ласково подула на раскаленную рану, остужая жгучую боль своим дыханием.

Великан вздрогнул. Медленно поднял голову, поймав мой взгляд. В полумраке его серые, холодные глаза вспыхнули тихим, ошеломленным теплом, от которого у меня перехватило дыхание.

Я потянулась за стандартным марлевым бинтом, но стоило Макару шевельнуть рукой, как края рассечения снова разошлись, и на кожу толчками выступила темная кровь. Я поняла, что одной повязкой такую рану не закрыть. Стыдно стало за собственную уверенность: я умела помогать врачу, а сейчас вообразила, что смогу заменить его.

— Подожди, — тихо сказала я.

Дверь отворилась: Смирнов вернулся вместе с хирургом. Я уступила ему место и осталась у здорового плеча Макара, не отпуская его руку. Врач осмотрел рану, коротко распорядился приготовить инструменты. Я подавала салфетки и старалась не смотреть на иглу. На стажировке в мюнхенской клинике я видела такое десятки раз, но сейчас каждый вздох Макара отзывался внутри меня.

Когда хирург закончил, Смирнов закрепил повязку и строго предупредил:

— Сегодня — никаких нагрузок. На лед вернешься, когда я разрешу.

Макар кивнул. Я сжала его пальцы крепче: этот кивок я запомнила.

Макар шумно втянул носом воздух и сделал резкую попытку встать с кушетки:

— Порядок. Спасибо, Валерия. Пойду в сушилку, форму проверю...

Но от резкого подъема и кровопотери его повело в сторону. Мощные плечи дрогнули, лицо покрылось пепельной бледностью.

Я мгновенно шагнула вперед и обеими руками изо всех сил уперлась ему в широкую, горячую грудь, буквально припечатывая гиганта обратно к кушетке:

— Сидеть, я сказала! Ты никуда не пойдешь, пока пульс и давление не придут в норму. Хватит геройствовать!

Макар замер под весом моих ладоней. Его широкая грудь мерно вздымалась прямо под моими пальцами, опалая кожу сквозь шелк блузки. Он виновато опустил темноволосую голову и вдруг обезоруживающе, невероятно тепло усмехнулся краешком губ:

— Слушаюсь, товарищ генеральный директор. Не сердись.

Стирая салфеткой потекший антисептик, я случайно коснулась пальцами застарелого, страшного пятисантиметрового шрама под его левыми ребрами. След был глубоким, неровным, явно оставленным холодным оружием.

— Откуда это, Макар? — тихо спросила я, замирая. — Это ведь не шайба.

Он помрачнел, отвел взгляд, пытаясь привычно отшутиться:

— Да так... в молодежке припечатали о борт неудачно.

Я не убрала руку. Кончики моих пальцев мягко согревали холодный неровный рубец:

— Не отшучивайся. Тебя порезали коньком? Во время матча?

Макар тяжело выдохнул, его плечи поникли:

— Семь лет назад. Финал юниорского первенства в Омске. На моего младшего брата Тимофея — он вратарь у меня, талантливый пацан, чистый гений в рамке — в темном переулке возле гостиницы навалилась пьяная толпа мажоров. Зависть, ставки на игру... Я успел вовремя. Пацана закрыл, коньком в бок словил. А потом взял всю вину за побоище на себя, чтобы Тиме не испортили биографию менты и скауты. Мне вклеили два года условно. Крест на отъезде в НХЛ. Предварительный контракт с «Бостоном» разорвали на следующее утро.

Он сознательно пожертвовал американской мечтой, десятками миллионов долларов и мировой славой, чтобы спасти младшего брата.

Горло перехватило горячей волной. В глазах защипало, я не смогла сдержать нахлынувшего трепета перед этим нестигаемым человеком. Забыв о директорской субординации, я шагнула ближе и осторожно прижалась горячим лбом к его здоровому левому плечу, просто закрыв глаза и вдыхая его запах — морозную свежесть, кедровую смолу и запредельное мужское спокойствие.

Макар оцепенел. Секунду он не дышал, а затем его уцелевшая левая рука медленно поднялась и бережно, словно боясь разбить тончайший хрусталь, обняла меня за лопатки, прижимая к себе.

— Знаешь, Лера... — прошептал он мне прямо в волосы низким, вибрирующим басом. — В хоккее спину доверяют только тому, с кем пойдешь в овертайм без щитков. Я никогда в жизни не встречал женщины, которая не побоялась бы прикрыть мою спину.

Моя прежняя циничная броня окончательно осыпалась пеплом.

Когда пришло время уходить, в коридорах арены гулял промозглый сквозняк. Мое пальто было безнадежно испорчено гарью и копотью. Макар молча снял со стула свой тяжелый, крупной вязки темно-синий свитер с вышитым золотом гербом «Витязя» и бережно набросил мне на плечи. Свитер доставал мне почти до колен, окутывая густым домашним теплом.

* * *

На часах медиа-центра клуба горело 05:45 утра. За огромными панорамными окнами на двадцать восьмом этаже еще стояла предрассветная мартовская тьма. Я сидела за главным режиссерским пультом, кутаясь в огромный свитер Беркутова, и пила обжигающий горький эспрессо. На столе рядом тускло поблескивала металлическая флешка.

Я попыталась войти в главную админ-панель официального портала клуба, чтобы перехватить утреннюю информационную повестку, но экран мигнул красным: «Учетная запись

заблокирована по распоряжению вице-президента Черкасова в связи с внутренним расследованием».

— Наивный мальчик, — процедила я сквозь зубы.

Я достала из сумочки золотой мастер-ключ с биометрическим допуском антикризисного директора — отец заранее выдал его мне — и вставила в разъем терминала. Система коротко пискнула, считала отпечаток моего пальца и мгновенно сняла все блокировки.

Первым делом я проверила папку отложенных публикаций. Корзина была зачищена, но запущенный мной скрипт восстановления кэша за пару секунд вытащил удаленный темп-файл. На экран всплыл готовый, оплаченный Черкасовым пресс-релиз с таймкодом рассылки на 07:00 утра: *«Пьяный дебош вице-капитана Беркутова на служебной стоянке арены: руководство клуба готовит расторжение контракта»*. Заказной слив в желтые спортивные каналы был подготовлен до мельчайших деталей.

Медлить было нельзя.

Я загрузила видео с видеорегистратора моего «Рейндж Ровера» и наружных камер арены. Общий план был смазан, но я наложила на видеодорожку звук с трофейной радиозаписи 4-го канала, синхронизировала таймкоды и вывела на центральный экран сверхчеткий стоп-кадр: двухметровый Беркутов, принимающий удар граненой арматуры на свое плечо, намертво закрывая собой женщину.

Материал превратился в сокрушительное, кристально чистое доказательство рыцарского подвига.

Я набрала номер дежурного выпускающего редактора официального сайта КХЛ, но парень испуганно заблеял в трубку, что Черкасов наложил запрет на любые публикации до заседания дисциплинарного комитета.

Тогда я открыла защищенную телефонную книгу и нажала прямой вызов Елены Вороновой — вице-президента лиги и ближайшей подруги моей покойной матери.

Воронова взяла трубку на третьем гудке. Выслушав мой короткий, ледяной доклад, она попросила переслать файл. Спустя ровно три минуты на главной странице Континентальной Хоккейной Лиги с пометкой «Экстренно» вспыхнул заголовок: *«Поступок настоящего мужчины: вице-капитан “Витязя” Макар Беркутов спас директора клуба от вооруженного нападения ультрас»*.

Сетка ботов Черкасова попыталась было загадить комментарии вбросами о «постановке», но я отправила ссылку лидерам официального фан-сектора клуба. Через десять минут настоящие болельщики и ветераны трибун смели заказную грязь лавиной гордости за своего тридцать третьего номера.

В 07:15 Черкасов вышел в прямой эфир утреннего шоу на радио «Движение», надеясь раздуть скандал, но ведущие с ходу процитировали заявление Вороновой и назвали Макара главным героем недели. Глеб замялся в прямом эфире, сдавленно пробормотал нелепые извинения и в бешенстве бросил трубку.

Я откинулась на спинку кресла, чувствуя, как накатывает глухая усталость.

Внезапно пискнул видеодомофон. На экране возник Макар: умытый, с влажными после душа волосами, в чистой темной толстовке. В одной руке он держал картонный подстаканник с дымящимся кофе, в другой — крафтовый пакет с горячей выпечкой.

Усталость смыло горячей волной нежности. Я нажала кнопку замка и улыбнулась ему навстречу.

Глава 4

— Ты не пойдешь на совет директоров голодной и бледной, Лера, — непререкаемым тоном заявил Макар, усаживая меня на высокое пассажирское сиденье своего рамного черного джипа. — Сначала нормальная еда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.